

НИХ БЫЛ общий отец — капитан Джон Байрон, которого называли «бешеным Джеком». Мать Августа умерла рано, и девочка воспитывалась у бабушки, леди Холдернесс, которая не хотела, чтобы внучка общалась с новой семьей своего отца. Поэтому

Августа долго не знала, что у нее есть брат — «боби Байрон», будущий великий поэт Англии. Джон Байрон действительно был бешеным: авантюрист, картежник, гуляка, женолюб, он погряз в бесконечных долгах. Его вторая жена, мать поэта — Катарина Гордон, выходя замуж, считалась богатой невестой. Тем не менее очень скоро семья оказалась буквально на мели. Их сыну Джорджу было три года, когда отец, совершенно опустившийся, умер во Франции. Умер под вымышленным именем. «Бешеному Джеку» было тогда всего тридцать шесть лет — возраст фатальный для Байронов.

ляющей чертой ее характера была абсолютная доброта...

Августа приехала в Лондон, и Байрон почувствовал, что она с первого взгляда пленила его, — это было словно какое-то колдовство. Никто из прежних женщин не нравился ему так, как Августа, хотя она вовсе не была красива. Только винительно разглядывая, можно было оценить совершенные черты ее лица. Брату же нравился в ней байроновский профиль и байроновская манера слегка картавить. В Августе поэт увидел не сестру, а прежде всего женщину, которой было присуще подлинно байроновское очарование. Он, самолюбивый, самолюбивый, рассмотрел в прекрасной даме свой собственный портрет.

Но особенно таяли их друг к другу духовное родство. Внешне замкнутые, оставаясь вдвоем, они отбрасывали всякую скованность — говорили обо всем и над всем смеялись. Августу с большим чувством юмора умела подражать другим, и вместе они с удовольствием играли «а кто-нибудь». Она не слишком разбиралась в поэзии, не была интеллектуалкой, говорила так,

Только о любви

ИЗ ПИСЕМ БАЙРОНА К АГУСТЕ:

«Освободись от унылых новостей и не чувствуй к себе ненависти. И если ты должна кого-нибудь из нас ненавидеть — то пусть это станет моим уделом — но... Это убедило бы меня. Мне с тобой последние люди на свете, которые должны перестать любить друг друга».

«Я совсем перестал о тебе заботиться, не пишу так долго, но что я могу сказать? Три года отсутствия, полная смена окружения и образа жизни сговорились также, что нет уже между нами ничего общего, кроме наших кровных уз. Никогда, однако, я не переставал ни на миг... чувствовать те узы, которые связали меня с тобой и которые делают меня несомненно к настоящей любви к какому-либо человеку: моему существованию — ибо чем же оно могло бы быть после тебя?»

НА СНИМКАХ:

- Джордж Гордон Байрон,
- Августа Лей. Рисунок Джорджа Хайтера.
- Мэри Хэворт.
- Леди Каро — Каролина Лэмб в костюме паж.
- Анабелла Мильбанк.
- Тереза Гвиччиоли.

● Августа Ада, дочь Байрона.

ИТАК, Августа и ее родной по отцу брат Джордж долго ничего не знали друг о друге. Только после смерти леди Холдернесс брат и сестра встретились — и сразу понравились друг другу. Хотя Джордж был моложе Августы на четыре года (ей было семнадцать), он почувствовал себя опекуном. В первом письме к ней, написанном в Пасху 1804 года, просил, чтобы она считала его не только братом, но и ближайшим другом: «Помни о том, дорогой сестра, что ты самый близкий мне человек... на свете, не только благодаря узам крови, но и узам чувства».

Августа к тому времени уже была обручена со своим кузеном Ежи Леем, драгунским полковником, которого очень любила. А Байрон переживал душевный кризис после первого глубокого любовного разочарования.

Ее звали Мэри Хэворт, и жила она недалеко от родового имения Байронов Ньюстед. Байрон страдал не только потому, что его чувство не было взаимным. Не желая того, Мэри однажды больно ранила его самолюбием.

Байрон с детства был наклонен к педантичности акушера при родах привела в панику суженую. Когда он подрос, врачи назначили болезненное лечение, которое не принесло никаких результатов, оставив лишь воспоминания о пытке в специальном ботинке. Поэтому Байрон не терпел танцев, но обожал верховую езду, приносящую ему обманчивое ощущение полного здоровья. И вот однажды в доме Мэри Хэворт он случайно услышал, как его любимая говорила своей воспитательнице: «Ты думаешь, мне очень нужен этот хронический мальчик?»

Байрона как громом поразило. Вскоре он написал Августе: «Любовь, по моему мнению, совершенный абсурд, это только жаргон комплиментов, одобренных романтизмом и искусственностью». Если бы у меня было пятнадцать любовниц, я через неделю не помнил бы ни об одной».

Катастрофа, которой закончилась первая любовь, родила, как утверждает Андра Моруа, потребность в сентиментальных переживаниях, ставших для Байрона необходимостью. «В покое он не мог найти вкуса жизни. Чувствовал, что готов услышать голос каждой страсти, если бы только могла она вернуть ему неуловимое чувство собственного существования». Тем более, если за такой страстью маячил страшный грех, грозивший осуждением и соблазняющий бунтом против обязательных общественных и церковных норм!

ПРОШЕЛ ДОЛГИЙ СРОК, прежде чем брат и сестра снова увиделись. Теперь уже она переживала горькое разочарование, супружеский кризис. Ее избранник оказался точной копией «бешеного Джека» — транжир, волокиты, игрок, любитель лошадей. Если иногда он заглядывал домой, то либо потому, что в Ньюмаре проходили скачки, либо взять денег у жены. На нее свалились заботы по выплате долгов. Тем не менее она не переставала любить мужа.

До Августа дошли вести о брате, который вернулся из путешествия на Восток и, как сказал сам, однажды утром проснулся в слове. Он стал королем лондонских салонов. Еще недавно стал королем лондонских салонов. Он везде был принят, осплан комплиментами, любим самым красивым женщинами. Он переступил пороги дворцов, где все знали друг друга, и в этом мире шелков, перьев и драгоценностей, элитности и изысканных манер почувствовал себя чужим и одиноким. Говорили, что он заносчивый и гордый, холодный и замкнутый. Тем не менее его всюду приглашали: ведь он написал книгу, которая сразу захватила Лондон.

Грустный скептицизм автора «Путешествия Чайльда Гарольда» нашел отклик в сердцах тех, кто был измучен долготлетними войнами, кому надоели бесконечные смены правителей. Поэт показал им Европу 1812 года после надежды, разрушенных Великой Революцией, Европу, уже не вернувшуюся в звезду Наполеона.

Байрон происходил из знатного, но разорившегося рода. Своих предков он мог найти среди командиров военных кораблей викингов времен Вильгельма Победителя в XI веке. Поэт

ЧУВСТВО ГРЕХА ИМ БЫЛО НЕВЕДОМО

был молод, овеян славой великого путешественника. Его серо-голубые глаза смотрели немного меланхолично из-под длинных ресниц. Кожа была тонкой и прозрачно-бледной. Рот карпизен, как у прекрасной женщины. Хромоты никто не замечал...

Прочитав «Чайльд Гарольда», леди Каролина Лэмб, хозяйка одного из модных салонов Лондона, заявила: «Я должна его увидеть. Умираю от любви к нему». Он был ей представлен. В тот же вечер она написала в дневнике: «Это прекрасное бледное лицо — моя судьба».

Однако стройная и слишком тонкая Каролина была не в его вкусе. Скорее притягательная, блестящая и интеллигентная, чем красивая, она имела в каждом обществе, а ее огненный темперамент был тонкой, лиричной подробностью, рассказываемых шепотом.

Леди Каро — так ее называли — отличалась упрямством и не любила ни от чего отказываться. Она «взяла на прищеп» лорда Байрона, хотела знать о каждом шаге своего любовника. Стараясь угодить, организовывала для него приемы, писала письма и сама доставляла их Байрону на дом, переодетая в костюм паж или кучера. Однажды леди Каро даже пообещала, что отдаст все свои драгоценности, если ему потребуются деньги. Случилось, она стояла под окнами дворца, где давали бал, куда ее не пригласили, и караулила Байрона, который был там. Короче, Каролина готова была на любое унижение ради поэта. Любовник же ее оставался надменным, холодным, суровым. Можно было подумать, что он ничего не замечает. Бедная леди Каро не подолжала, как он посмеялся над ней, прислав волосы лаяка в ответ на ее просьбу подарить свой локон.

Байрон быстро насытился этой шальной любовью. К тому же у него завязывался новый роман. Каролина потеряла самообладание и на балу у леди Хитеркот уронила скандал: разбитым стеклом порезала себе руки, заявив присутствующим, что ее покатили Байрон. Наутро о происшествии говорил весь Лондон. Под давлением родителей леди Каро выехала в Ирландию.

И суждено было встретиться еще раз, спустя годы. Это случилось после ее тяжелой нервной болезни. Когда она стала приходить в себя, муж предложил ей прогуляться. Она ехала в поезде, где попутно. Спереди в вагоне ехал ее муж Вильям Лэмб. По дороге им встретился траурный процессия. На вопрос сэра Вильяма: «Чьи похороны?» — люди ответили: «Лорда Байрона». Леди Каро не расслышала этих слов, а муж не рискнул их повторить.

Новой любовницей Байрона после расставания с Каролиной стала леди Оксфорд. Но и его он скоро перебрел. В последнюю минуту от него отказался от совместного путешествия на Сицилию, потому что получил письмо Августы, в котором та извещала о своем приезде. Они давно не виделись. Байрон знал о ее неудачном замужестве из писем — хаотичных и длинных. Ей было двадцать семь лет. Она остро ощущала одиночество. Опеку и помощь предлагал ей только младший брат, все более занимавший ее мысли.

Воспитанная очень религиозной бабушкой, Августу с детства впитала нежность, которая заменила ей этику. В семье лучшим подарком всегда считались Библия или молитвенник. Опреде-

как писала — нескладно и туманно, часто отходя от темы.

Байрон, однако, любил ее болтовню, нежно называя своей «гусицей» и великодушно развлекаясь в ее обществе. Кто-то из его биографов заметил, что и в любви искал он радости и дружбы, выхода своей унылой энергии и почти родственных чувств. Он скоро заметил, что именно это возможно с Августой. Стоя перед страшным соблазном, поэт знал, что поддается ему. Моруа утверждает, что Байрону всегда достаточно было только подумать об опасной страсти, чтобы она начала его преследовать. Так случилось и на этот раз. Ей стала дарить картина романа с сестрой.

Было лето, Лондон потихоньку разъезжался на каникулы. Августа, имеющая титул дамы двора королевы, жила во Дворце Св. Джеймса, что, кажется, льстило ее брату. Вместе они бывали на балах и приемах, вместе ходили в театры, тесно сблизившись и сильнее очаровываясь друг друга.

Август почти все вывел из Лондона. В большом городе, где оставалось так мало знакомых, он чувствовал себя, как дитя, оставленное родителями в пустом доме без присмотра, которым кажется, что сейчас все можно. Никого не было в доме Байрона на Беннет Стрит, кроме старой хозяйки. Байрон мог в любой момент принести Августу. Трудно придумать более подходящие условия для романа.

Августа простилась с ним в начале сентября. Она возвращалась домой беременная. Молодая женщина, имевшая троих детей и, несмотря ни на что, любившая своего мужа, хорошо понимала двусмысленность своего положения. Теперь, размышляя о случившемся, она сознавала, что никогда не сумела бы отказать ни одной просьбе «боби Байрона», ни одному его капризу. Байрон же утверждал, что она отда-

лась ему скорее из сочувствия, чем из страсти. Словом, они все обращали в шутку — чувство вины или греха было им неведомо.

После ее отъезда ему стало очень одиноко, хотя скоро должен был наступить «дружеский сезон». Ничто не таяло его на балы, встречи или театральные премьеры. Он охотно восполнял приглашением своего знакомого из Кэмбриджа, Джеймса Видебуна Вебстера, и поехал в его имение Астон Холл. И там в течение четырех ночей написал поэму «Невеста из Абидоса» о любви сестры и брата.

Могло показаться, что он не собирался держать роман с Августой в тайне, в кругу приятелей делал весьма прозрачные намеки...

Однако видимая беззаботность очень быстро уступила место раздраженному самоанализу, мучительным попыткам объяснить себе, что случилось. То обвинял себя, то оправдывая, поэт чувствовал, что никогда не перестанет думать об этом.

В Астон Холле он познакомился с женой Вебстера леди Франсис, крупной, похожей на цветочную женщину с мягкой красотой. Леди Франсис влюбилась в него, но дальше пожатия рук,

тайных записок и украденных поцелуев дело не пошло. Это было редкое в его жизни платоническое чувство.

Вернувшись в Лондон, Байрон послал Августе свой портрет. Она же прислала ему прядь волос и написанную по-французски карточку:

«Делить все твои чувства, Смотреть только твоими глазами, Слышать только твои советы, жить Только для тебя — вот мои желания. Мои намерения, единственная судьба, Которая может дать мне счастье».

Под прядью волос, где стояло ее имя, Байрон написал: «Волосы той, которую я любил сильнее всего».

ПЕРВЫЕ недели 1814 года они провели вместе в Ньюстед. Зима была чудесная, пушистый снег лежал на пригорках, все казалось заколдованным. Они перенесли в чудесный мир сказки, далеко от лондонской суеты, людской суеты и огорчений.

«Мы никогда не ссоримся», — писал Байрон, — смеясь больше, чем подобает такой уважаемой резиденции, а наша фамильная неселость способствует тому, что мы чувствуем себя друг с другом лучше, чем кто-либо мог чувствовать в нашем обществе».

Они были очень счастливы. Это первое длительное пребывание под общей крышей позволило Августе разглядеть своего брата внимательнее. Она поняла, что его необузданный темперамент — наследие их общего отца — может сделать совместную жизнь с ним очень трудной. И все же усиленно склоняла его к супружеству.

Он отвечал ей: «Если найдется такая, которая будет достаточно богатой, чтобы мне соответствовать, и достаточно шальной, чтобы меня взять, — я покажу ей способ сделать меня таким несчастным, каким она сможет. Магнит, который меня притягивает, — это деньги, а что касается женщины, то одна стоит другой, чем они старше, тем лучше, ибо... скорее окажутся в раю».

Дли пребывания в Ньюстед приближались к концу. Августа, с заметной уже глазу беременностью, решила вернуться к себе. Тем временем по Лондону ходили слухи. Байрон, как бы подтверждая их, часто в салонах заводил речь о кровосмесительной любви, сочинял своеобразные теории. Впрочем, и на политические темы он, принадлежавший к крайнему левому крылу вигов, тоже высказывал весьма непопулярные мнения.

Однако тридцать тысяч экземпляров «Корсара» были распроданы за один день. Несмотря на обвинения, брошенные автору, все хотели его читать. Магия «Чайльда Гарольда» все еще действовала.

В середине апреля Августа родила дочь. Ее назвали Медора. Байрон, по-настоящему возлюбивший, отказался от поездки в Париж, где хотел присутствовать при триумфальном вступлении легионера, и остался с Августой и Медорой. Вместе они провели летние месяцы на море в Гастингсе. В Ньюстед Байрон вернулся один, но не прекращал писать, в которых крестинки заменяли слова любви и ласки.

Их отношения перестали быть тайной. Байрон никогда не хотел и не умел скрывать свои дела, считая справедливыми их судить только себя. Атмосфера вокруг поэта гущалась, и он наконец понял, что стоит перед выбором — либо

уехать из страны, либо жениться и коренным образом изменить жизнь. Женитьба была бы похожа на сумасшествие, но именно поэтому подходила Байрону... Его избранницей стала Анабелла Мильбанк, пуританка, увлекающаяся математикой и метафизикой.

В ПЕРВЫЕ СН УВИДЕЛ ЕЕ в салоне леди Каро, тогда же объяснился ей в любви, но получил отказ. Сейчас он решил снова броситься в атаку и просить ее руки. Байрон вовсе не был в нее влюблен и после предложения, которое было принято, продолжал видеться с Августой. Анабелла было двадцать два года. Джорджу, самому известному поэту Гёте поэту Европы, — двадцать семь.

Можно было сразу предсказать, что это супружество завершится катастрофой — ни с какой точки зрения молодые не подходили друг другу. И брак почти с первого дня действительно стал кошмаром. Продолжался он год и закончился разрывом и разделом имущества. Через несколько дней после рождения дочери Ады леди Байрон по решительному требованию своего мужа оставила их общий дом, чтобы никогда уже туда не вернуться.

Разрыв стал сенсацией. На мели вокруг запало скандалом. Августа объясняла супружеский кризис душевной болезнью своего брата, что, впрочем, заявляла и Анабелла. Врачи же дали заключение, подтверждающее полное психическое здоровье Байрона.

За время супружества Байрон делал все, чтобы несоответствие их с Анабеллой характеров углубить и выставить напоказ. Прекрасную пошлость в этих стараниях он нашел в лице Августы.

Все началось утром после первой брачной ночи, когда Байрону вручили любовное письмо от Августы (и такие письма приходили часто). Более того, Байрон решил провести медовый месяц в доме Августы в деревне, в Сикс Майл Ботоме.

Леди Байрон не знала об отношениях, соединяющих брата и сестру. Только во время пребывания в Сикс Майл Ботоме — у нее зародились недобрые подозрения. Позднее — призналась, что эта мысль сводила ее с ума. Брат и сестра разговаривали друг с другом так, как будто находились наедине. Медора Байрон открыто называл своей дочерью. Правда, это можно было еще как-то объяснить: Медора была его крестницей. Вечером Байрон отправлял Анабеллу спать, а сам оставался с сестрой. Однажды они вместе переставали его письма, где он распространялся о своем абсолютном безразличии к Анабелле.

Анабелла подолгу разговаривала с Августой, часто произволившей на нее впечатление малого ребенка, готового смеяться по любому поводу и любящего говорить слухи. Спусти много лет Анабелла пришла к выводу, что поступки сестры неужели можно было оправдать только ее врожденной умственной неразвитостью.

Так или иначе, Анабелла не находила у Августы никакого утешения. В то же время ее охватило мистическое желание спасти этих двоих от вечного осуждения и адских пыток. Анабелла знала, что различить их не удастся, поэтому решила быть рядом, не спуская с них глаз. Вернувшись в Лондон, она пригласила Августу к себе на Пикадилли, 13 и прикладывала все старания, чтобы сделать жизнь двоим как можно более сносной. Но эффект был низерный «Я была близка к сумасшествию», писала Анабелла, — но чтобы не допустить чувства мести, высекла из себя другое чувство — романтического прощения».

Правда, это удавалось не всегда. Ненависть к Августе заглушала все. Через несколько месяцев мучений Анабелла дала ей понять, что пора заканчивать визит. Августа выехала, но кошмар супружества остался.

МЕСЯЦ СПУСТЯ после рождения дочери леди Байрон с малюткой отбыла в имение Мильбанков в Кирби. Байрон никогда больше их не видел. Его положение становилось все труднее. В Палате Лордов его старательно избегали, на улице оскорбляли, лондонское общество, которое еще недавно соревновалось за право пригласить его на бал, забыло о нем.

Байрон понял, что для него в этой стране нет места. И стал готовиться к отъезду. Прежде всего надо было урегулировать формальности, связанные с супружеством, на чем очень настаивала отец Анабеллы. Затем его ждало прощание с Августой.

Они встретились в последний раз ровно год спустя после рождения Медоры: в середине апреля 1815 года.

Они встретились в последний раз ровно год спустя после рождения Медоры: в середине апреля 1815 года.

Они встретились в последний раз ровно год спустя после рождения Медоры: в середине апреля 1815 года.

ля 1816 года, в пасхальное воскресенье. Уж не было тех веселых, беззаботных дней, когда они столько смеялись и никогда друг другу не перешли. Над ними тяготела печаль расставания, неясное предчувствие, что разлука эта — навсегда. Провели грустный вечер, и Августа впервые плакала, говоря, что ее мучают угрызения совести.

После ее ухода Байрон засел за письма. Писал Анабелле: «Я уезжаю, уезжаю далеко, и мы с тобой уже не встретимся ни на этом, ни на том свете... Если со мной что-то случится, будь добра не плакать, то к ее детям».

Он пишет письмо своему юридическому советнику Джону Хансону, просит, чтобы тот время от времени пересылал ему сведения о дочери Аде. Пишет и Августе. Он будет часто писать ей во время своего путешествия по Швейцарии.

В Италии переписка прервется, но потом возобновится, когда Байрон напишет ей: «Дорогая Анабелла... Говорят, расставание убивает слабые чувства и укрепляет сильные. К сожалению! Мои чувства к тебе — это соединение всех чувств и всех страстей».

Он открыл Августе тайны своих новых любовных переписок с графиней Терезой Гвиччиоли, молодой «тициановской» блондинкой с прекрасными зубами, густыми локонами и чудесной фигурой, чем-то напоминавшей ему сестру. Разли Байрона Тереза развелась с мужем, который был в три раза старше ее, имел на совести два убийства, зато был фантастически богат. Байрон считал графиню последней своей любовью, серьезно думал о женитьбе на ней, но она скоро стала недодевать ему своей сентиментальностью и ревностью. Поха их безопасности угрожал муж, страсть разгоралась, однако быстро заявила в атмосфере покоя и повседневности.

Ответные же послания Августы были сухие, строгие, безличные. Байрона они удивляли. Си не знал, что Анабелла взяла его сестру под свою «опеку», чтобы сделать невозможной ее вероятную встречу с ним, если бы та решила поехать к Байрону. По существу жена хотела добиться ответа на давню мучившую ее вопрос — проложился ли интимные отношения брата с сестрой после ее замужества. Ее преследовало это полотно, и она знала, что пост ко мучениям может положить только Августа. С мужем Анабелла не переписывалась. Зато не останавливалась перед мелочной слежкой за его сестрой, ища способы вырвать у нее признание, и была похожа в этом на безжалостного инквизитора.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ Байрон решил отправиться в Грецию, где шла борьба за свободу, мечтая о поступке, который оставил бы какой-то след (он не считал свои поэмы чем-то значительным).

Поэт предчувствовал, что это будет последним странствием Чайльда Гарольда. Грезилось ему и возвращение в Англию, где могла бы начаться новая полоса его жизни. Он хотел вернуться к Анабелле и Аде, к спокойному бытию в тихом доме. Он почувствовал, что стал старым, хотя было ему всего тридцать пять лет.

Умер он в Греции от лихорадки и жажды. Когда провели вскрытие и исследовали мозг, врачи заявили, что это мозг восьмидесятилетнего старца. Он все равно не смог бы прожить долго.

В доме поэта в Миссунте на его бюро нашли незаконченное письмо к Августе, начинающееся, как всегда, словами «Моя самая дорогая Августа». В заведении Байрон оставил ей все свое состояние — сто тысяч фунтов стерлингов, сумму по тем временам колоссальную. Через два года у Августы уже не осталось ни гроша. Выплатила кредиторам, раздала карточные долги мужа и сыновей, заплатила «отступным» шантажистам, грозившим опубликовать дневник леди Каро, якобы содержащий признание Байрона в кровосмесительной связи.

Анабелла, послушная просьбе Байрона, пыталась помогать Августе, но в конце концов потеряла терпение. Дошло до острого обмена мнениями, и дамы перестали видеться. Через какое-то время до Анабеллы дошли вести о смертельной болезни шестидесятилетней Августы. Та просила кого-нибудь посидеть рядом, почитать письма любимого брата, которых оставалось совсем мало.

Письма Байрона она продавала...

Перевел с польского Алексей КОРОБЕЙНИКОВ.

Перевел с польского Алексей КОРОБЕЙНИКОВ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НЕДЕЛЬНИКЕ ВАС ЖДУТ:

КРАСНЫЙ БРАТ. Так называется фантастический роман французского писателя и Татю, который впервые выходит в советском издательстве. Читатели с интересом и изумлением прочитают эту «фантастику», ибо авторы с удивительной прозорливостью еще в феврале 1990 года предсказали события, произошедшие в нашей стране в августе 1991-го.

ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ. Их называют по-разному, к ним относятся по-разному. Но все настоящее тяжелая наша жизнь заставляет относиться к ним уважительно. О путях преодоления экономических трудностей размышляет предприниматель Николай Макаров.

БРАЧНЫЙ КОНТРАКТ. Это мы еще не проходили, но, возможно, скоро узнаем. Журналисты и специалисты задаются вопросом: нужен ли он? сократит ли количество разводов? может ли мирно поделить сокровища бабушкиного сундука?

СОВЕТ ШТУРМУЕТ ВОСТОК. Изумительные, но зачастую и унижительные приключения ждут наших туристов, выезжающих в страны Ближнего Востока в поисках не только экзотических впечатлений, но и решения прозаических житейских проблем.

С КАЖДЫМ ДНЕМ СТАНОВЛЮСЬ БЕДНЕЕ И БЕДНЕЕ, — признался нашему корреспонденту известный эстрадный певец, один из молодых кумиров Жень Белоусов.

КРЕМЛЕВСКИЕ ИЗБРАННИЦЫ. Известная поэтесса Лариса Васильева выступает в необычном жанре, пытаясь проникнуть в тайны «кремлевского двора». После этой интригующей фразы поставим многоочеред...

ИТАК, ДО ВСТРЕЧИ!